

Размышления латышских крестьян о политике царского правительства в начале войны в книге Валдемара Дамберга «Пути изгнания» («Gaitniecības ceļi»)

Борис Инфантьев

Стр. 106.

Русскому правительству следовало бы весь скот, который нельзя угнать (вглубь России из Прибалтики при наступлении немцев), но мясо которого еще съедобно, превратить в консервы. Получились бы большие запасы, которыми кормить армию. Но разве русские это сделают? Они не немцы, чтобы все использовать. Как я посмотрю на хозяйничанье русских, становится грустно. Разве русским надо было пускать немцев в Балтию и отдавать замечательный урожай этого года? Неспроста кругом распространяются слухи о том, что немцы говорят: за 25 рублей можно купить каждого русского; все ясно говорят: генерал Языков во время первого нападения немцев на Балтию в апреле был ими куплен. Большая, сильная и богатая Россия, но сами русские пустят ее на поток, продавая ее за чечевичную похлебку.

(Тулс возражает.)

— Но ты так всегда верил в Россию, верил в то, что именно Россия победит немцев.

— Но теперь, лежа больным в телеге и вынося все тягости, которые мне против своей воли пришлось пережить, должен был прийти к горькому убеждению: мы сделаны нищими, я проверил свою крепкую веру в Россию, нашел ее необоснованной, и прошлой ночью, лежа под стрехой сарая, я видел вроде мечты, вроде необыкновенного явления...

Часть II. Рига, 1925

Стр. 18. (На Уральском заводе. Как Дунькина мать колдует.)

— Когда она колдует, она бросает оба яичка в посуду с водой и смотрит, как яички сами бегают по дну посуды. Если из яичка с дыркой начинают появляться пузырьки, то это

— к добру; если они не появляются, — это к беде с человеком, о котором гадают: произойдет какое-либо несчастье — заболеет или даже умрет кто-либо из близких, или скотина сдохнет, или сгорит какое-либо строение. Это дело — оно предупреждает от несчастья — Божье дело, и сама колдунья входит в общение со всемогущим Святым Духом. Но Дунькина мать приносит людям и зло. Она отнимает у коров молоко, портит пажить, насылает на них саранчу и крыс или же портит их самих. Разум заколдованных людей погрязает в глубокую грусть, они духовно опускаются, пропивают и прожигают все имущество, пока несчастный случай не прекращает их жизни. И я стал несчастным, спутавшись с Дунькой и Дунькиной матерью.

Все несчастье началось с того, что я посетил Дуньку, и когда ее мать мне предложила ковш с брагой, я забыл сдуть с напитка колдовство. С той поры я больше не мог ни дня прожить без Дуньки... Когда Глаша меня упрекала в том, что я путаюсь с Дунькой, я становился таким злым, как бы в меня вселился черт: начинал бить Глашу.

(Рассказ о том, как Дунькина мать учила колдовству Степку.)

— Она говорила, чтобы я во время обеда поискал в каком-нибудь отдаленном местечке новостройку без окон, сел на полупостроенную стену и смотрел вниз во внутреннюю часть дома. Смотреть надо, не поднимая головы так долго, пока из-под стены не вылезет черный пес и не откроет кровавый рот, чтобы укусить. Я тогда должен броситься головой собаке в пасть; тогда я начну понимать тайны колдовства и сам смогу колдовать. Я с этим не

согласился: ведь я крещеный человек, и такое колдовство считаю сатанинским наваждением и грехом. Так я не научился колдовать.

(Как Дунькина мать отомстила жениху, который женился на другой девке.)

— У этого рабочего заболела корова, и когда рабочий позвал Дунькину мать корову вылечить, Дунькина мать корову, правда, вылечила, но незаметно для жены рабочего к пище примешала заколдованную кровь ежа. Через некоторое время в животе жены стал расти еж. Начала страдать и болеть, и когда еж вырос большой, она лежала на кровати как покойник. Любой через одежду и одеяло мог видеть, как еж у нее шевелится внутри. Еж, разгуливая по внутренностям несчастной, однажды вылез через рот; уже через зубы выставил свое рыльце. Отец больной хотел щипцами схватить ежа за рот и так спасти свою дочь, но Дунькина мать подбежала и сунула ежу под нос отточенный конец лучины; тот влез обратно и несчастная женщина умерла.

(Как старая Екатерина освободила Степку от колдовства.)

— Старая Екатерина мне велела целую неделю ходить к ней по вечерам во время заката солнца и по утрам на восходе солнца. Она проносила заговоры и мочила мой лоб и грудь водой из маленького бочонка. К Дуньке я больше не ходил, и с каждым днем моя тоска по ней становилась все меньше. Я Дуньке ничего бы не сделал, если бы за то время не узнал, что она спуталась с каким-то кузнецом.

Стр. 27. (О делах военных. Говорит почтовый директор господин Терентьев.)

— В этом виновато предательство; то, что немецкие агенты, получив доверие русских правительственных сфер, заботятся о том, чтобы у русской армии не хватало пуль и боевого материала. Немецкий иезуитизм, их принцип — для достижения своих целей позволено использовать все средства — проявляется во всем блеске!

Стр. 32. (Софья Никифоровна.)

— В Балтии живут люди без чувств и без сердца. Вы, латыши, сердце человеческое, золотое сердце никак не оцениваете. Вам нужен только внешний блеск невинности, как марка для товара.

Стр. 70. (Беседа Терентьева с немцем Шаукельганом.)

Фон Шаукельган:

— Ваши компатриоты — замечательные парни. Хорошо задали по шее немцам. Если

они так будут продолжать, то можно надеяться, что это окажет влияние на весь фронт. Надо только в одном месте стрелять, их двигать.

Терентьев:

— Очевидно, и я думаю, что правительство впредь всеми силами поддержит не только формирование отдельных полков, но даст приказ формировать целый латышский корпус, и тогда немцы не получат возможности перевести дух, как говорится, ни нос утереть, как уж опять будут за прусскими границами.

Эти слова нашли живой отклик в русском обществе. Теперь фон Шаукельган пытался спасти свое положение другим путем. Несколько смеясь, но на самом деле совершенно серьезно, он сказал следующее:

— Я все же сомневаюсь, будет ли русскому правительству рекомендовано формировать большие части национальной армии...

Терентьев:

— Пусть они только попробуют, проклятые предатели, идти по болгарскому пути. Тогда они почувствуют на своих спинах наши кулаки. Камня на камне мы не оставим, ни в Риге, ни в Варшаве.

Стр. 99.

Новая хозяйка Тула Анна Сергеевна получила строгое воспитание, ведь ее отец был старовер, который неотступно следовал всем догматам своей веры. В ранней юности после завершения четвертого класса гимназии отец ее посадил кассиршей в своем магазине мануфактуры и мелких вещей. Она этой своей работе отдавалась с любовью, ведь торговля ей нравилась. Двадцати лет от роду она была выдана замуж за одного молодого купца, которого она не любила и которому она до самой свадьбы не позволяла не только себя поцеловать, но даже сесть рядом. Вообще она утверждала, что не знает, что такое любовь и влюбчивость.

Стр. 129. (Тул.)

До сих пор я был убежден, что у русского народа большое будущее. Но теперь мне приходит на ум стихотворение Алексея Толстого, в котором он говорит: в России через столетия порядка как нет, так и нет, и она без чужих владетелей не может обойтись. Здесь у нас господами стали фон Шайкельманы.

Стр. 170.

— Мы должны отличать темный, необразованный русский народ от его интеллигенции, как Виктор Эглитис указал в своем «Сером бароне».